Шерил Лаз
Университет Южного Мэна, Портленд, США

Веди себя по возрасту!

doi: 10.22394/2074-0492-2019-1-146-179

Введение

С точки зрения неспециалистов (и многих профессиональных социологов, если застать их вопросом врасплох), абсурдно думать о возрасте иначе, чем о хронологическом факте, или о свойстве, присущем каждому индивиду. Для большинства людей возраст так же очевиден, как расовая и половая принадлежность. В ответ на вопрос, «сколько тебе исполнилось?», мы называем число лет, прошедших со дня нашего рождения.

Когда от нас требуют вести себя по возрасту, мы прекрасно понимаем, что подразумевается под «возрастом», понимаем характер предъявляемых претензий и часто готовы объяснить свое «неподобающее поведение». Мы исходим из того, что по мере взросления люди вступают в разные роли, причем в предсказуемой последовательности. Когда эта последовательность нарушается, язык фиксирует несоответствие (мы о говорим о «матерях-подростках», «нестандартных студентах»), и мы ищем объяснений такой «несвоевременности».

Как в случае расы и гендера, якобы объективная, фактическая природа возраста делает его идеальным предметом социологического исследования. Сейчас социологи определяют расу как социальный конструкт, а не как биологический «факт». Представление о расе формируется внутри социальных групп (какая доля крови делает человека чернокожим или индейцем?), раса определяется людьми (что значит сойти за представителя одной расой, а не другой?). Более того, социологический анализ расы привел нас к более

Шерил Лаз — профессор социологического факультета Университета Южного Мэна, Портленд, США.
Cheryl Laz — Professor, Department of Sociology, University of Southern Maine, Portland, Maine, USA.

Первоначальная версия этой статьи была представлена на заседании Американской социологической ассоциации в августе 1996 г.
Пер. с англ. Юлии Еремеевой, Ильи Зорина, Анастасии Комаровой, Анастасии Кусовой под ред. Марии Неклюдовой и Ивана Напреенко выполнен по Laz C. (1998) Act Your Age. *Sociological Forum*, 13(1): 85-113.
Текст печатается по договоренности с правообладателями.
Copyright © 1998, C. Laz. Reproduced with permission of Blackwell Publishing Ltd.

глубокому пониманию властных отношений и преобладающих нормативных представлений, которые создают и поддерживают якобы биологический факт расовой принадлежности.

Аналогичным образом социологи рассматривают гендер как социальный конструкт и индивидуальное достижение. Гендер определяется и формируется внутри социальных групп (что означает маскулинность для гетеросексуального сталевара? для гомосексуального банковского менеджера?) и производится индивидуумами в процессе социального взаимодействия (как женщина в мужском коллективе ведет себя по-женски?). Более того, согласно традиционным культурным представлениям, гендер ассоциируется с женщинами, тогда как доминирующая группа — в данном случае мужчины — рассматривается как лишенная пола.

Многое указывает на то, что возраст, как раса и гендер, не является естественной категорией и представляет собой нечто большее, чем просто число лет со дня нашего рождения. «Ты ведешь себя не по возрасту. Ты же уже большой», — говорим мы детям, чтобы поощрить их самостоятельность (или добиться послушания). «Веди себя по возрасту. Хватит ребячиться», — говорим мы взрослым, когда нам кажется, что они поступают безответственно. «Не забывай о своем возрасте. Ты уже не так молод», — говорим мы пожилым людям, которые продолжают увлекаться молодежными занятиями. Одобряемые действия варьируются, но требование сохраняется. Говоря «веди себя по возрасту», мы настаиваем на том, что поведение должно соответствовать нормам. Однако в этой фразе также содержится здравомысленное представление о том, что возраст не является естественным и постоянным и требует определенной работы, т. е. психологических и физических усилий.

Таким образом, выражение «веди себя по возрасту» содержит принципиально социологическое видение возраста и дает нам полезную метафору перформативности. Возраст — это действие, это перформанс в том смысле, что он требует действий и усилий; возраст нормативен. Вне зависимости, действуем ли мы хорошо или плохо, по правилам или нет, наша реализация собственного возраста — и возраст как таковой — всегда носят коллективный и социальный характер. Тем не менее возраст не просто формируется под влиянием социума, он конституируется в процессе общения и обретает значение во взаимодействии и широком общественном контексте. Мы все перформатируем или производим возраст в действиях: иными словами, мы постоянно производим наш собственный возраст, но также своими поступками и общением, убеждениями и чувствами, социальным поведением придаем значение возрасту других и возрасту как таковому.

В теоретической рамке, представленной в этой работе, возраст понимается как достижение. Понятие «достижения», как и близкое по смыслу «перформации», может относиться как к совершаемым

действиям, так и к действиям уже совершенным. Меня в первую очередь интересует достижение не как совершившееся, а именно как совершаемое действие, которое является социальным и публичным. (Порой оно может быть и личным, однако возраст-как-достижение никогда не бывает только личным[1].) Достижение возраста связано с часто рутинной, иногда яркой, но неизменно непрерывной работой.

Теоретическая рамка возраста-как-достижения основана на социологических теориях символического интеракционизма [Blumer 1969], этнометодологии [Garfinkel 1967; Heritage 1984; West, Zimmerman 1987], социальной феноменологии [Schutz 1970] и на более новой теории социального конструкционизма [Lorber, 1994; Gubrium et al., 1994]. Вслед за Блумером [1969: 2] мы исходим из трех центральных предпосылок.

1. Человеческие существа обращаются с вещами в зависимости от того, что они для них значат.

2. Значения вещей — предметов, людей, категорий лиц, общества, видов деятельности — являются производными от социального взаимодействия.

3. Значения обрабатываются и модифицируются посредством процесса интерпретации, который использует человек, сталкиваясь с теми или иными явлениями.

Символический интеракционизм, этнометодология и феноменология здесь особенно полезны в силу своего внимания к агентности и креативности. Более поздние исследования в рамках социального конструкционизма [West, Zimmerman 1987; Lorber 1994] расширили наработки указанных направлений, показав, что самоочевидные концепции, которыми оперирует символический интеракционизм (личность, роль), в свою очередь являются и причиной, и следствием практик интеракции. Недавние работы в этой области уделяют особое внимание динамике власти, привилегий и социально-структурного контекста, в котором происходят формирование значения, интерпретация и действие.

Концепция возраста-как-достижения также опирается на недавние исследования жизненного цикла и свойственных ему переходов [Kohli 1986; Mayer, Muller 1986; Meyer 1986; Gubrium et al. 1994; Guillemard 1996]. В них возраст и старение рассматриваются как нечто большее, чем просто свойство «стариков». В своей работе я стремлюсь объединить два аспекта теории жизненного цикла. С одной стороны, это направление, представленное трудами Майера, Мюллера [1986] и Гилмора [1996], в рамках которого изучается воздействие на жизненный цикл макроисторических и социальных сил (рацио-

1 Такое использование идеи «достижения» напоминает концепции гендерных проектов и практик [Connell 1995] или перформативных актов Джудит Батлер [1990].

нализация, государство, работа и экономика). С другой — направление, представленное Коли [1986], Майером [1986], Губриумом и др. [1994], которое рассматривает, как на микроуровне дискурсивные практики и представления о жизненном пути формируют личность.

Наконец, концепция возраста-как-достижения многим обязана недавним исследованиям антропологов [Fry 1980a; Keith, Kertzer 1984; Fry, Keith 1986], где акцентируется важность культурных и смысловых факторов. Антропологи признают двойственность культуры, которая, с одной стороны, служит проводником идеалов, ценностей и норм, а с другой — образована актуальным поведением и реализацией установок. И в антропологическом подходе, и в рамках концепции возраста-как-достижения люди рассматриваются как активные умелые создатели и пользователи культуры. Кроме того, она требует от нас ценить эмические элементы (т. е. «внутреннее» видение культуры, в котором язык и суждения информаторов формируют исследуемую проблему). Наконец, как и в случае антропологии, моя теоретическая разработка стремится к холизму, то есть к пониманию смысла и опыта в присущем им контексте.

При разработке теоретической концепции возраста-как-достижения я исходила из пяти предпосылок. Во-первых, социология возраста имеет менее разработанную теоретическую базу, чем социология старения, — она менее изучена, ей меньше учатся и ее меньше преподают. И хотя представление о расе и гендере как социальных конструктах и «достижениях» стало вполне привычным, аналогичное социологическое понимание возраста далеко не так развито. Я не говорю, что социологи не исследуют возраст как социальный конструкт — многие как раз этим занимаются[1]. Тем не менее значительная часть социологии сконцентрирована на старении (понимаемом как период, следующий за ранним периодом «роста и развития» и средним периодом «зрелости») и старости.

Во-вторых, недавние исследования возрастной стратификации, политической экономики возраста и жизненного цикла заложили основу для социологии возраста, которая существенно отличается и от исследований конкретных возрастных групп (особенно пожилых), и от геронтологии. В-третьих, допущения, на которые опирается социология старения (возраст как объективный хронологический факт, возраст как личностное качество, пожилой возраст и старость как социальные проблемы, возраст как самодетерминируемое или сверхдетерминированное явление), мешают концептуа-

1 Среди работ, в которых возраст рассматривается как социальный конструкт, упомянем следующие: [Gubrium 1977, 1993; Gubrium et al. 1994; Guillemard 1996; Hazan 1992; Karp, Yoels 1982; Karp 1991].

лизировать возраст как социальный конструкт. В этом плане изучение возраста имеет много общего с изучением гендера.

В-четвертых, поскольку социология гендера первой начала работать с указанными допущениями, социология возраста может у нее поучиться. Наконец, существует большое разнообразие литературы, на основе которой мы можем отталкиваться при разработке концепции возраста-как-достижения. Я не ставлю перед собой задачу сделать комплексный обзор исследований возраста и старения. Наоборот, я опираюсь на существующую литературу выборочно, в той степени, в которой это необходимо для разработки концепции возраста-как-достижения, и для демонстрации ее потенциала, когда речь заходит об упорядочивании того, что мы уже знаем о возрасте и старении.

Социология возраста и социология старения

Социология возраста намного реже становится объектом теоретизирования, исследований и преподавания, чем социология старения. Американская социологическая ассоциация (ASA) поддерживает секцию по социологии старения, но не возраста[1], и в монографиях, заголовках журналов, учебниках и названиях курсов, фигурирующих в путеводителе по учебным ресурсам ассоциации, слово «старение» присутствует намного чаще, чем «возраст»[2]. Более того, слово «aging», обозначающее прибавление лет, стало практически прямым синонимом старости[3]. В результате исследования старе-

1 В 1997 г. участники секции проголосовали за изменение ее названия с «Секция старения» на «Секция старения и жизненного цикла».

2 Список журналов, публикующих научные исследования по социологии возраста/старения, включает следующие наименования: “The Gerontologist”, “Journal of Aging Studies”, “Aging”, “Aging and Society”, “Research on Aging”, “Aging and Human Development”, “Age and Aging”, “Journal of Women and Aging”, и “Journals of Gerontology”. Из 30 курсов, включенных в изданное Американской социологической ассоциацией в 1991 г. пособие «Обучение социологии старения» (сост. Харрис и Палмор), только один назывался «Социология возраста», и еще несколько были сфокусированы на жизненном цикле и переходах от одного его этапа к другому. Большинство было посвящено социальной геронтологии, старению, «концу жизни», «седеющей Америке», «пожилым» и «старости». Наиболее значимые исследования тоже фокусируются на старении и старости: «Социология старения» (Харрис), «Старение в массовом обществе» (Хендрикс и Хендрикс), «Социальная геронтология» (Хойман и Кийак), «Социальные силы и старение» (Этчли), «Пособие по старению и социальным наукам» (сост. Байнсток и Джордж), «Старение» (сост. Муди), «Старение в XXI веке» (сост. Каданьо и Стрит).

3 Это особенно заметно в социологии старения и во вступительных текстах к работам по общей социологии (яркий пример [Macionis 1977]), а также

ния во многом пересекаются, а иногда и полностью совпадают с геронтологией. Если же социологи работают с другими возрастными группами (а не только с пожилыми), это происходит в рамках социологии детства, отрочества, юности и проч.

Наконец, как в свое время отметили Пассат и Бенгтсон [Passuth, Bengtson 1988], исследования старости существенно отстают от общей теории социологии. По их мнению, винить в этом следует влияние геронтологии (в особенности ее направленность на изучение средств прогнозирования удовлетворенности старостью) и преобладание структурного функционализма в социальной геронтологии [Passuth, Bengtson 1988: 346][1].

Несмотря на преимущественный интерес к старению и пожилым людям, теоретические работы последних лет дают достаточные основания для создания социологии возраста, отличающейся от социологии старения, старости, детства и других возрастных категорий, хотя неизбежно с ними пересекающейся. К примеру, предложенная Матильдой Райли, Анной Фонер и их коллегами теория стратификации изучает, как в обществе распределяются возрастные категории, какие отношения складываются между ними и внутри них, а также как когортная принадлежность и история влияют на членов возрастной группы. К разнообразным возрастным группам также обращаются исследования по социальному конструированию жизненного цикла, поскольку в их цели входит изучение того, как макросоциальные факторы и интеракция влияют на формирование жизненного цикла.

Если резюмировать, я мыслю социологию возраста — по аналогии с социологией гендера — теоретическим и эмпирическим исследованием того, как создается, поддерживается, оспаривается и трансформируется возраст как концепция и институт; как социальные статусы, нормы, роли, институты и социальные структуры формируют и укрепляют определенные представления и умозрительные допущения по поводу разных возрастных категорий; как возраст структурирует жизнь и жизненный опыт конкретных людей, в том числе реализацию самого возраста. Когда я предлагаю выделить социологию возраста в отдельную исследовательскую сферу, не надо видеть в этом стремление умалить ценность изучения старения или отдельных возрастных категорий. Вслед за Матильдой Райли я полагаю, что особое внимание к возрасту поможет расширить наше исследовательское поле и в перспективе изменить социологию как таковую.

в системах каталогизирования (в частности, в той, которая используется в библиотечной системе нашего штата).

1 Это не единственный случай констатации нехватки теории при изучении возраста и старения [Moody 1988: 23].

В своем обращении к Американской социологической ассоциации 1986 года она подчеркнула: «Формирующаяся сфера исследований возраста видится мне выражением собственно социологической перспективы и примером того, как одно направление социологических исследований способно помочь ее реализации воплощению. Как и иные специализированные направления, социология возраста способна сместить акценты, прояснить и конкретизировать социологические аксиомы. Она может открыть новые грани, сформулировать новые вопросы, снять вопросы старые и нерелевантные, вдохнуть жизнь в стагнирующие области и ускорить работу в областях развивающихся. Ее появление способно заострить, прояснить социологическую оптику, повысить ее востребованность. Но дело только начинается» [Riley 1987: 11].

Итак, опираясь на ресурсы, имеющиеся в области, которая сейчас именуется «социологией старения», а также за ее пределами, в особенности в сфере социологии гендера, я предлагаю концепцию возраста-как-достижения. Чтобы воспользоваться этими ресурсами в полной мере, нам необходимо избавиться от допущений, которые затемняют наше понимание возраста как социального конструкта. В следующем разделе я их опишу и проведу параллели с гендерными исследованиями. Параллели, вероятно, знакомые большинству читателей, покажут, что распознавание указанных допущений должно предшествовать любой теоретической работе.

Возраст и гендер

Социологическое понимание возраста преследуют четыре взаимосвязанных допущения: возраст — это объективный хронологический факт, возраст — это атрибут индивида, возраст и старение — это социальные проблемы, а также возраст — это самодетерминируемое или сверхдетерминированное явление. Эти представления носят фоновый характер, поэтому их трудно распознать и сложно уловить. Однако они, безусловно, требуют рассмотрения, поскольку дают оптику, которая определяет поведение и интеракции на микроуровне, на макроуровне — формирует публичную политику и академический дискурс [Dannefer 1988; Hockey, James 1993]. Их неявное и часто нераспознанное влияние препятствует развитию социологического понимания возраста[1]. Позвольте мне быть предельно ясной. Я не считаю, что все социологи исходят из этих допущений. Наоборот, в социоло-

1 Необходимость саморефлексии при изучении возраста и старения стало толчком для развития критической геронтологии, см. [Moody 1988; Luborsky, Sankar 1996].

гии есть много работ, часть из них я упоминаю ниже, которые критикуют указанные предпосылки и/или предлагают альтернативы.

Возраст как объективный хронологический факт

Допущение, что возраст — это объективный хронологический факт, встроено в социологию. Наряду с ним существует более социологическое представление, что с хронологическими возрастами связаны многообразные культурные значения. Различие между объективным фактом и социальным и культурным знанием аналогично различию, выявленному в 1960–70-е годы между полом и гендером. Пол, учили мы студентов, есть предписанная характеристика и объективный факт. Он относится к анатомии, хромосомам, гормонам, определенным биологически. Гендер, напротив, есть достигаемый статус, предусматривающий обучение [соответствию] социальным и культурным ожиданиям, связанным с принадлежностью к биологическому мужскому и женскому полу [Stockard 1997: 213; Farley 1998: 117].

Различение пола и гендера стало размываться в 1970-е, а к 1980-м его сохранение стало в значительной мере бессмысленным[1]. «Взаимосвязь биологических и культурных процессов оказалась куда сложнее — и рефлексивней, чем мы предполагали» [West, Zimmerman 1987: 126]. «Объективный», биологический «факт» пола, как выяснилось, основывается на общем (культурном) понимании маскулинности и феминности[2], и «некоторые структурные расстановки, например, связанные с работой и семьей, создают или активируют возможности, например, „быть матерью“, которые ранее связывались с биологическим аспектом» [West, Zimmerman 1987: 126]. В итоге социология гендера пришла к пониманию и гендера, и пола как продуктов непрерывной, продолжительной концептуальной социальной и культурной работы [West, Zimmerman 1987; Lorder 1994].

Похожий процесс понимания взаимосвязи между «объективными фактами» и культурными смыслами начался в исследованиях возраста. Неспециалисты относятся к возрасту как к объективному факту, который определяется хронологически — числом прожитых

1 Однако некоторые уважаемые социологи все еще придерживаются этого различия, например [Epstein 1988: 5-6].

2 Например, Сюзанна Кесслер [Kessler 1990] показывает, что определение (биологического) пола интерсексуальных младенцев опирается как на культурное понимание маскулинности и феминности, так и на фактические анатомические характеристики младенца. Эмили Мартин [Martin 1991] демонстрирует, как культурные представления о пассивных женщинах и активных мужчинах «встроены» в «объективные» описания яйцеклеток и сперматозоидов в биологии и медицинских учебниках.

лет. Иногда социологи прибегают к такому же определению (в тех случаях, когда они используют возраст как переменную или непроблематично употребляют такие характеристики, как «пожилой» или «престарелый»), но при этом делают упор на социальную природу хронологии. Некоторые исследователи [Rose 1980; Kastenbaum et al. 1980] используют показатели «функционального» или «социального» возраста, чтобы объяснить разрыв между количеством прожитых лет и физической деятельностью человека, психическим здоровьем или социальными ролями. Хотя эти показатели включают в себя социальные факторы, в то же время они сохраняют грань между «субъективным»/«функциональным» и «объективным» (т. е. хронологическим) возрастом, а также предполагают непротиворечивость хронологического возраста.

Не так давно антропологи, социальные конструктивисты и теоретики жизненного цикла перестали считать хронологию чем-то самим собой разумеющимся, то есть рассматривать ее как объективный факт. Они настаивают, что хронологический возраст важен в определенных социальных и исторических контекстах, а также в интеракции. Например, Губриум и его коллеги [Gubrium et al. 1994] описывают незападные нехронологические способы осмысления времени, чтобы показать, что «западное понимание процесса старения основано на нескольких фундаментальных допущениях, связанных с хронологией», особенно на представлении о том, что возраст линеен [Gubrium et al. 1994: 35]. Их аргумент заключается не в том, что хронологии не существует. Скорее, они утверждают, что мы придаем хронологии значение, используя ее (а не какую-то иную концепцию времени) как принцип организации индивидуальной и общественной жизни. Другие утверждают, что хронология как мера возраста есть наработка современного индустриального общества [Kohli 1986; Chudacoff 1989; Keith 1990].

Проблематизация хронологии и отказ рассматривать ее как естественный и объективный феномен позволяет социологам поставить важные вопросы о смысле возраста и опыта внутри жизненного цикла. Например, Гийемар [Guillemard 1996] утверждает, что изменения механизмов, регулирующих вывод рабочей силы, «деинституционализировали» и «дехронологизировали» жизненный цикл, разделив его на три отдельных периода (образование, работа и досуг).

Большая часть работ, которые проблематизируют хронологию, в том числе только что описанные нами, рассматривают ее с макроисторической точки зрения, чтобы выявить вариации смыслов. Остается практически неисследованным, как хронология воспринимается в качестве само собой разумеющейся в современном академическом дискурсе и повседневной интеракции. Социологи

могли бы расширить анализ хронологического времени и возраста, исследуя, как на микроуровне мы чувствуем и действуем на основе общего восприятия хронологического времени.

Многое может прояснить параллель с гендерными исследованиями. Как показывают Уэст и Зиммерман, определение пола и гендера в повседневном взаимодействии подразумевает нечто большее, чем простое определение анатомического «факта». Большинство людей считают, что гениталии являются ключевой особенностью, отличающей женщин от мужчин; тем не менее в процессе ежедневного общения нам не требуется видеть их для определения атрибутов пола. Вместо этого мы полагаемся на идентификационные проявления и внешность (позу, жесты, одежду), которые обычно, но не всегда, согласуются с гениталиями [West, Zimmerman 1987: 127][1]. Таким образом, Уэст и Зиммерман различают (биологический) пол (который сам по себе является социальной категорией, хотя часто она предстает как «естественная») и половую категорию (классификация, в которой мы руководствуемся проявлениями, а не гениталиями, чтобы определить пол).

Точно так же мы можем различать хронологический возраст и возрастную категорию. Хронологический возраст, подобно полу, трактуется, как если бы он был объективным фактом, и это происходит даже тогда, когда мы осознаем его историческую специфику. Для причисления людей к возрастным категориям и указания, как следует себя вести, используются культурно обусловленные идентификаторы, связанные с конкретными хронологическими возрастами и сформулированные как нормы и ожидания (они могут относиться к стилю одежды, цвету волос, осанке, социальным ролям). В повседневном взаимодействии мы не просим свидетельство о рождении или другое доказательство хронологического возраста, чтобы классифицировать индивида как ребенка, ровесника или пожилого человека. Мы полагаемся на видимые признаки и социальные статусы[2]. Тем не менее иногда люди одеваются, выглядят, ведут и чувствуют себя старше или моложе своего хронологического возраста (более того, их возраст может отличаться от указанного в свидетельстве о рождении или ином документе, скажем, води-

1 Женщина может одеваться или выглядеть как мужчина, также индивид фактически может быть представителем иного полом, чем указывают его гениталии. Классический пример — случай Агнес [Garfinkel 1967; Kessler, McKenna 1978].

2 Кристина Фрай использовала методы многомерного масштабирования, чтобы исследовать, как люди когнитивно категоризируют возраст. Данные методы позволяют этнографически и эмпирически определить, как индивидуумы осмысливают возрастные категории и их содержание [Fry 1980b, 1986].

тельских правах). Такие выражения, как «он/а выглядит таким/ой старым/ой» или «но вы не выглядите на...», наши эмоциональные реакции (восхищение, недоверие, симпатия, удивление) происходят из-за несоответствия между хронологическим возрастом и возрастной категорией. Конечно, в других случаях (при подаче заявки на получение водительских прав или социальных пособий) требуется доказательство хронологического возраста[1], так же как и доказательство пола в некоторых иных ситуациях (например, для участия в спортивных соревнованиях [Lorber 1994: 41]).

Таким образом, социологи выделили «объективные» и «социальные» компоненты пола и гендера, затем проанализировали их взаимосвязь. Мы провели аналогичный анализ в отношении возраста. Социологи признают историческую специфику хронологического возраста и подробно описывают то, как современном западном обществе с течением времени, в основном, обращаются как с объективным фактом. Следуя примеру гендерных исследований, социологи могут анализировать, как индивидуумы используют предполагаемый объективный возраст, чтобы относить себя и других к возрастным категориям и действовать соответствующим образом (а также изучать, как, при каких условиях и с какими последствиями люди отказываются «вести себя по возрасту»).

Возраст как атрибут индивидуума

Поскольку возраст, как и пол, не является фиксированным или естественным фактом, социологи использовали понятия статуса, роли, нормы и социализации для осмысления возраста и пола как явлений культурных и усваиваемых, а не биологических и предзаданных. Биология задает внешние границы; затем благодаря ожиданиям, диктуемым культурой и усваиваемым через социализацию, мужчины приобретают маскулинные черты, а женщины — феминные; дети становятся подростками, подростки — взрослыми, а взрослые — пожилыми. С этой точки зрения возраст и гендер превращаются в атрибуты индивидов по мере того, как они обучаются и усваивают нормы, связанные с определенными ролями, и начинают вести себя в соответствии с ними. Возраст и гендер становятся объективными и фактическими характеристиками индивидуумов — тем, чем люди являются.

1 Свидетельства о рождении задуманы государством в качестве однозначных «доказательств» хронологического возраста, хотя они и не являются безошибочным источником информации. Хоуелл [Howell 1986] подробно описывает проблему оценки возраста при отсутствии надежных письменных данных и приводит возможные решения.

Понимание возраста и гендера как феноменов, конституированных статусами и ролями, которые усваиваются посредством социализации, предполагает существование набора дискретных категорий: женщины, мужчины, молодежь, люди среднего возраста и люди пожилые. Подобная категоризация подчеркивает и усиливает различия и сводит к минимуму сходства между группами.

Концепции социализации и индивидуальных атрибутов повлияли на изучение пола и возраста. Мы рассказываем студентам о всеобъемлющем и зачастую бессознательном процессе гендерной (или половой) ролевой социализации, в ходе которого девочки и мальчики усваивают ожидания в отношении феминности и маскулинности, интернализируют эти нормы и в итоге ведут себя как феминные и маскулинные люди [Lips 1995].

Социологи также изучают возрастные нормы, социализацию в течение жизненного цикла и нормы, регулирующие переходы между его этапами. Некоторые исследователи утверждают, что ожидания в отношении поведения, соответствующего возрасту, образуют масштабную систему правил, которые определяют сроки основных событий жизни и ограничивают социальное взаимодействие [Neugarten et al. 1965]. Другие сетуют на отсутствие эффективной социализации норм среди пожилых людей [Rosow 1974]. Третьи с нетерпением ждут исчезновения возрастных норм [Riley, Riley 1994]. Хотя они по-своему оценивают возрастные нормы и роли, само наличие ролевой структуры ролей и социализации сохраняет для них определенную значимость. Разумеется, на некотором уровне эта структура точно описывает социальные процессы и является важным вкладом в понимание того, как формируются жизненный цикл и переходы между его этапами[1].

Однако описанные тенденции (рассмотрение возраста и гендера как индивидуальных атрибутов, ролевая социализация, постулирование четких категорий) могут давать проблемные результаты. Понимание возраста как индивидуального атрибута приводит к тому, что возраст, в особенности возраст преклонный, начинает выступать в качестве независимой переменной [Dannefer 1984: 104]. И хотя социологи знают, что нельзя путать корреляцию с казуальностью, это нередко случается, когда речь заходит о возрасте. Возрастом объясняют электоральные предпочтения или занятость, тогда как нам стоило бы ра-

1 Даннефер рассматривает, как концепции *развития* и *социализации* используются для понимания процесса старения. Хотя он критичен к эффектам применения этих понятий, тем не менее он признает, что присутствие «чего-то *похожего на* каждого из них необходимо в изучении старения, поскольку каждый из них пытается описать что-то реальное и фундаментальное о человеческом опыте с течением времени» [Dannefer 1988: 364] (курсив оригинала).

зобраться, как социальное структурирование связывает возраст с указанным явлением [Riley 1987: 2]. В этом плане использование возраста как переменной поощряет описательный подход (скажем, к дифференциации возрастных различий), «отвлекая внимание от необходимости найти объяснение, то есть идентифицировать процессы, которые стоят за описываемыми результатами» [Dannefer 1988: 366].

Другим следствием отношения к возрасту как к индивидуальному атрибуту становится то, что он оказывается принадлежностью пожилых людей, то есть свойством лишь части населения, подобно тому, как гендер являлся тем, что имеют исключительно женщины, а расу — чернокожие. (Не исключено, что именно этим объясняется повышенное внимание социологии возраста к «старости».)

Много сказано о неадекватности концепции ролевой социализации потребностям гендерной теории [Epstein 1988; Mcllwee, Robinson 1992; Thorne 1993]. Точно так же она не подходит теории возраста [Marshall 1980; Dannefer 1988]. Ни гендер, ни возраст не сводятся к набору ролей, «свойственных тому или иному месту или организационному контексту; на практике они часто функционируют как «основные статусы» [Hughes 1945], которые поддерживаются в различных социальных ситуациях» [West, Fenstermaker 1993: 154]. Более того, ассоциируемые с гендерными или возрастными ролями нормы не обязательно интернализируются, более того, интернализация не требуется для того, чтобы индивиды следовали нормам в своем поведении. В отсутствии внутреннего согласия в игру вступают другие, не менее важные соображения, — экономические стимулы, давление неформальных групп, формальные требования, которые гарантируют индивидуальную конформность нормам без их интернализации.

Наконец, самый важный момент заключается в том, что анализ ролей и социализации всегда сфокусирован на индивиде. Мы можем изучать возраст как индивидуальный атрибут, но этот атрибут реализуется во взаимодействии. Заведомые суждения о гендере и возрасте пронизывают и структурируют взаимодействия, практики, институты и правила. Когда мы фокусируемся на возрастных нормах, ролях и социализации, то перестаем замечать, что организация общества, социальные институты и практики во многом сформированы представлениями о возрасте и отражают их. Вместо этого нам стоит постараться посмотреть, как значения возраста организуют и выстраивают наше поведение, как эти значения подвергаются сомнению, вызывают сопротивление, пересоздаются и реконструируются во взаимодействии.

Возраст как социальная проблема

В социологии возраста преобладает понимание старости как социальной проблемы. Подобный подход фокусируется на пожилых

людях, причем старость преимущественно понимается как негативное явление, как период упадка и ослабевания. Общая тенденция такова, что пожилые люди рассматриваются как «совокупность материальных потребностей» [Hazan 1994: 15]. Внимание сосредотачивается на различных трудностях (экономических, социальных, психологических, физических и т. д.), с которыми сталкиваются престарелые. Обычно такой точке зрения сопутствует соображение, что старение рассматривается как социальная проблема постольку, поскольку «оно так определяется влиятельными и богатыми людьми» [Conner 1992: 45]. Ирония состоит в том, что в результате критика отношения к возрасту как социальной проблеме сливается с утверждением его статуса как социальной проблемы. Коннер признает, что социальные проблемы создаются, конструируются и одновременно с этим участвует в их создании, используя теоретическую рамку «социальных проблем» для осмысления возраста/старения[1].

Схожая ирония не чужда гендерным исследованиям. В частности, либеральный феминизм часто фокусировался на проблемах женщин (дискриминации на работе, сексуальных домогательствах и насилии, неравном разделении обязанностей в семье, негативном отображении в культуре), которые можно ликвидировать предоставлением женщинам таких же гражданских прав и образовательных возможностей, как и мужчинам. В то же время сторонники феминизма признают, что «проблемы женщин» — неправильный термин, поскольку создает ложное впечатление, что дискриминация, домогательство и т. д. затрагивают только женщин. Кроме того, даже когда феминисты критикуют либеральный феминизм в качестве теоретической установки, многие все равно поддерживают обусловленную им линию поведения.

Несомненно, социология социальных проблем имеет ряд позитивных эффектов. Применительно к возрасту и гендеру она может повысить осведомленность о неравенстве, сломать стереотипы и стимулировать прагматичные социальные изменения. Либеральный феминизм поддерживает равенство зарплат и образования, а также меры позитивной дискриминации. Подход к возрасту как социальной проблеме привел к появлению различных служб,

1 Я описываю основные тенденции, но существуют примечательные исключения. К примеру, те, кто применяют политэкономический подход к возрасту, «предпринимают попытку перевернуть существующее представление о проблеме вверх ногами, рассматривая в первую очередь допущения, лежащие в основе определения наших текущих проблем, а также предлагаемых нами решений. В такой перспективе проблемой становятся не “люди в возрасте”, а нужды капиталистического общества» [Minkler 1984: 20].

которые используются для транспортировки пожилых людей, обеспечения их жильем, социальной поддержки.

Однако этот подход также имеет менее благоприятные эффекты. Признавая, что социальные проблемы следует определить в качестве таковых, он укрепляет мнение, согласному которому возраст и старение суть проблемы (более того, трудности) определенного сегмента населения. Старение становится синонимом людей пожилого возраста так же, как до середины 1980-х гендер оказывался кодовым словом для женщин, поскольку «мужчины воспринимали себя как безгендерных существ, так как гендер не играл никакой роли в их обыденной жизни» [Kimmel, Messner 1992: 3].

Привлекая особое внимание к пожилым людям, социология социальных проблем увеличивает разрыв между ними и всеми прочими. Становится сложно или невозможно увидеть сходство между пожилыми и молодыми, кроме того, затушевывается неоднородность группы пожилых [Dannefer 1988]. Эти эффекты усиливаются использованием таких определений, как «в возрасте» или «престарелые», в отношении пожилых людей. Подобная терминология усиливает понимание возраста как объективного хронологического факта и реифицирует классификацию людей по (хронологическому) возрасту без учета других характеристик[1].

Проблема различия — вопрос о том, следует ли рассматривать мужчин и женщин как сущностно одинаковых или различных, давно вызывает разногласия в среде гендерных исследователей. Синтия Эпштейн рассматривает этот вопрос как противостояние между «минималистами» и «максималистами». Максималисты придают большое значение различиям между женщинами и мужчинами и склонны воспринимать их в качестве устоявшихся и неизменных, то есть «естественных». Минималисты делают акцент на сходстве женщин и мужчин и заявляют, что различия обманчивы, так как являются продуктом общества, а потому изменяемы [Epstein 1988: 25]. В попытке объединить стороны Барри Торн предлагает гендерно-сенситивный подход, который «учитывает то, что в некоторых ситуациях или обстоятельствах нам может понадобиться акцентировать гендер, чтобы добиться равенства» [Thorne 1993: 171]. Хотя в гендерной теории и гендерной политике дискуссии еще далеки от завершения, в социологии возраста аналогичный вопрос практически не считается проблематичным.

---

1 Используя многоплановые техники измерения, Кристина Фрай обнаружила, что хронологический принцип действительно доминирует в американском обществе, даже несмотря на то что другие «сенситивные к возрасту» характеристики (включая семейное положение, наличие детей, статус проживания, образовательный уровень и успехи в карьере) влияют на когнитивную организацию возраста.

Наконец, подход с точки зрения социальных проблем в сочетании с индивидуалистическим фокусом часто поддерживает распределение власти, полномочий и легитимирует контроль, устанавливаемый над зависимыми (ненормативными) группами, такими как пожилые люди или женщины. Рассмотрение возраста как источника социальных проблем вносит вклад в поддержание власти и полномочий социальных работников и медицинского персонала, то есть представителей групп, чья работа состоит в том, чтобы помогать пожилым[1]. В то же время такой подход отрицает, что люди в возрасте обладают собственной легитимностью и властью. Социология социальных проблем воплощает и укрепляет стереотипное представление о пожилых как о беспомощных, зависимых и пассивных людях.

Аналогичным образом в геронтологии возраст и старение могут осмысливаться как социальные проблемы. Я же предлагаю социологам обратить внимание не на то, каким образом старение конструируется в виде социальной проблемы, а на то, как сконструирован сам возраст.

Самодетерминируемый и сверхдетерминируемый возраст

На протяжении долгого времени социологи пытаются разрешить трудности, возникающие при осмыслении теоретических и практических связей между человеком и обществом или агентностью индивида и социальной структурой. Здесь, вероятно, лежит центральная проблема современной социологической теории. Некоторые работы, особенно в геронтологии, преувеличивают роль индивидуальной агентности. В предельных случаях возраст представляется самодетерминируемым явлением: ты настолько стар, насколько чувствуешь сам. Геронтологи (и рекламодатели) придают особое значения выбору, который совершают зрелые или пожилые люди, чтобы увеличить шансы на успешное старение. В выбор входят такие факторы образа жизни, как тренировки, диеты, отказ от курения, долгосрочное планирование, выход на пенсию. Посыл заключается в том, что «у вас есть возможность сделать свое будущее таким, каким вы хотите» [Ageless America 1984].

В социологии чаще акцентируются эффекты социальной структуры. Возраст сверхдетерминируется. Старение (физическое и психологическое здоровье, социальное и финансовое состояние) определяется расой, этничностью, социальным классом, гендером,

1 В работе [Karp, Yoels 1982: 71] описывается, как психологические и медицинские эксперты повлияли на существующее понимание старения как проблемы, требующей решения.

политическими и экономическими силами, которые создают институты, практики и политики, производящие и поддерживающие эти закономерности. [George 1990: 190; Dannefer 1984].

Оба взгляда имеют право на существование. Социологи, изучающие возраст и старение, сходятся в одном: необходимо теоретически объединить микропроцессы и макроструктуры [Sherrod, Brim 1986; Kohli 1986; Dannefer 1988; Passuth, Bengtson 1988; Moody 1988]. Однако существуют разногласия по поводу того, как это сделать. Так как социология — это вероятностная дисциплина, социологи находятся в выигрышном положении, чтобы перекинуть мост между агентностью индивида и социальной структурой и концептуализировать возраст, не впадая в редукционизм — ни в самодетерминистский, ни в сверхдетерминистский.

В следующей части я кратко опишу точку зрения Уэста и Зиммермана на создание гендера. Затем я разовью аналогичную концептуальную рамку для возраста и выделю существующие работы с целью показать, как идея возраста-как-достижения позволяет организовать то, что мы уже знаем о возрасте, старении и жизненном цикле.

«Создание гендера»

В работе «Создание гендера» Кэндес Уэст и Дон Зиммерман [West, Zimmermanm 1987; также West, Fenstermaker 1993: 151] утверждают, что гендер является достижением, производной от социальных ситуаций, причем выступающей и в качестве результата, и в качестве причины фундаментальнейшего разделения общества. Иными словами, не следует рассматривать его как роль, идентичность или индивидуальную атрибут: гендер — это продукт социальных ситуаций, который создается и конституируется в ежедневном человеческом взаимодействии. Мы создаем гендер как в физическом, так и в виртуальном присутствии других людей, даже когда кажется, что никакого взаимодействия нет. Необязательный разговор [Henley, Freeman 1989], приготовление ужина [Devault 1991], работа инженером [Mcllwee, Robinson 1992] или стюардессой [Hochschild 1983], — во всех этих ситуациях мы общаемся, обедаем или работаем и одновременно создаем гендер.

Этот характерный социологический взгляд основан на этнометодологии, она «предполагает, что явления общественной жизни, которые кажутся объективными, основанными на фактах и применимыми в разных ситуациях, на самом деле являются результатами или достижениями локальных процессов» [Zimmerman 1978, цит. в West, Fenstermaker 1993: 152]. Чтобы увидеть «объективную реальность социологических фактов как продолжающееся достижение», этнометодологи и другие социологи относятся к обычным и не вызывающим вопросов явлениям как к «антропологически странным» [Garfinkel 1967: vii].

Уэст и Зиммерман [West, Zimmerman 1987: 126] показывают, как принимаемые по умолчанию аспекты социальной жизни (например, что существуют два и только два пола) на самом деле являются результатом социально мотивированных концептуальных, интеракциональных и микрополитических процессов. Главным в них является то, как мы описываем, объясняем, рационализируем, оправдываем свои действия и отдаем себе в них отчет [Heritage 1984: 136]. Более того, мы действуем с оглядкой на необходимость давать отчет о своих поступках. Таким образом, мы заранее предполагаем, как наши действия могут быть восприняты, поняты или не поняты, оправданы или осуждены, а потому стараемся поступать так, чтобы свести к минимуму необходимость отчитываться (поскольку она может привести к недопониманию, игнорированию или противоречию). В итоге мы часто приспосабливаемся к доминирующим нормам или концептам, включая те, которые связаны с возрастом или гендером, даже если мы подвергаем их сомнению или не соглашаемся с ними[1].

По мнению Уэста и Зиммермана, когда индивиды создают гендер «правильно» (в соответствии с доминирующими представлениями о женщинах и мужчинах, маскулинности и феминности), то гендер становится невидимым. Так как мы все вместе «действуем правильно», доминирующие предрассудки о гендере становятся как бы естественными. И действительно, гендер сам по себе натурализован. Более того, «если мы создаем гендер подходящим образом, мы одновременно поддерживаем, преумножаем и легитимизируем институциональные установки, основанные на категории пола… [В конечном счете] понимание того, как гендер создается в социальных ситуациях, позволит прояснить интеракциональное устройство социальной структуры и процессов социального контроля, которые ее поддерживают» [West, Zimmerman 1987: 146-147]. Уэст и Зиммерман более заинтересованы в образовании гендера как такового, нежели гендерной «самости». С помощью этой формулировки они планируют обойти двойную опасность самодетерминации и сверхдетерминации, указывая на взаимозависимые отношения между

1 Гарфинкель показал, что акторам не обязательно интернализировать нормы в качестве необходимого условия действий. «Все, что требуется, чтобы акторы располагали рефлексивным пониманием нормативной подотчетности своих действий и атрибутировали его друг другу» [Heritage 1984: 117]. Говоря иначе, интернализация норм не только не обязательна, но также и недостаточна для действия. Обязательным же является понимание (и атрибутирование этого знания другим) того, что вне зависимости от того, подчиняемся мы нормам или нет, нам придется отчитываться (предлагать свои объяснения или оправдания) за наше поведение.

социальными взаимодействиями и социальной структурой, между выбором, переговорами и принуждением.

Создание возраста

Уэст и Зиммерман показали, как внутри и посредством социальных ситуаций происходит производство гендера, как этот процесс поддерживает социальную организацию и социальный порядок. Аналогично гендеру возраст есть достижение не в смысле разового свершения, но как результат постоянных и продолжающихся усилий. Осуществляя возраст-как-достижение, мы создаем самих себя и поддерживаем свои роли и идентичности. Помимо этого мы являемся частью общей вселенной и помогаем ее создавать, наделяя возраст особым значением, которое влияет на нас как на индивидов и в то же время является надындивидуальным. В этой части статьи я представлю набросок концепции возраста-как-достижения, отталкиваясь от описанных выше заведомых представлений.

Хотя возраст часто ощущается как часть нас самих, это происходит потому, что мы реализуем свой возраст во всех наших социальных взаимодействиях. В основном мы предсказуемо ведем себя по возрасту (предсказуемо в данном конкретном контексте) и тем самым делаем его как бы невидимым. Благодаря нашему поведению возраст кажется естественным.

Конечно, возраст не всегда невидим. Иногда он выходит на первый план нашего сознания, и мы пытаемся осмыслить его часто в контексте отдельных событий или жизненных этапов (дни рождения, юбилеи, смерть родителей), изменений нашего облика и состояния здоровья, социальных ролей и норм [Eisenhandler 1991; Kagr 1991]. Дэвид Карп описывает период между 50 до 60 годами как «десятилетие напоминаний... когда люди чувствуют возраст острее, чем раньше... События-референты, пробуждающие это особое сознание, связаны с возрастом, но не определяются им». В такие моменты возраст временно теряет статус «естественного», его значение не является само собой разумеющимся.

Феминисты в 1970-х годах называли «щелчками» моменты, когда гендерное и половое неравенства выходят в сознании на первый план. «Щелчки» важны, потому что они обозначают предел, за которым человек больше не может воспринимать существующую информацию, отношения и практики как «самоочевидные»[1].

1 У ряда исследователей встречается обсуждение аналогичных моментов. Говоря о гендере и сексуальности, Дензин описывает «озарения», поворотные точки, «которые радикально меняют и формируют значения, которые люди

Хотя такие напоминания становятся более частыми и интенсивными в зрелом возрасте, они случаются и у молодых людей. На протяжении нескольких лет коллеги во время неформальных бесед нередко делились своими историями о «возрастном щелчке». Одна из коллег (сейчас ей около сорока пяти лет) призналась, что в первый раз у нее что-то «щелкнуло», когда она отказалась назвать свой «настоящий» (хронологический) возраст. Она была вынуждена задуматься о том, что значит возраст конкретно для нее и для женщин в целом, в контексте ее социальных кругов и всего общества. Другой поделился следующей историей: «15 или 20 лет назад (тогда мне было 30–35) я сидел на ступеньках дома вместе с Д. и А. и кто-то из детей подошел, чтобы попросить меня разрешить их спор. Внезапно я осознал, что мы стали "взрослыми". Я был шокирован».

Возможно, «щелчок» случается при осознании, что мы ведем себя не по возрасту, или наоборот, когда мы отдаем себе отчет, что ранее наше поведение эффективно и неосознанно соответствовало возрасту. Или же мы замечаем, что «обогнали время» или «отстали от времени» (к примеру, что мы более или менее успешны в карьере или семейной жизни, чем люди того же хронологического возраста, или социального положения; или что существуют разные способы измерения возраста). «Щелчки» часто побуждают нас отчитываться перед другими или перед собой, и такая подотчетность имеет социальный и интеракциональный характер. Социологи могут изучать нарушения «нормальности», такие как описанные выше «щелчки», чтобы узнать, как создается нормальность, как «естественное» получает статус естественного.

Концептуализация возраста-как-достижения не игнорирует «факт» хронологии. Скорее, она позволяет социологам изучить процесс, с помощью которого хронология делается «фактом», и увидеть, к чему приводит наше поведение, когда мы действуем так, как если бы хронология была естественной. Более того, осмысление возраста-как-достижения не требует отказа от концептов возрастных норм или ролей: скорее, оно позволяет нам понять, как нормы и роли работают в социальных ситуациях. Нормы и роли — это ресурсы, на которые инди-

---

дают себе или своим проектам… [фокусировка на озарении] заставляет искать моменты экзистенциального кризиса, когда сексуальность и гендерная идентичность человека резко и категорически ставится под сомнение… В эти моменты озарения гендерный порядок раскрывается со сторон, которые обычно не видны [Denzin 1993: 206]. Меня в данном случае не интересует, как возраст выходит на первый план нашего сознания, или как мы его осмысляем. Моя задача в том, чтобы показать, что такие щелчки — довольно частое явление, по крайней мере в кругу моих знакомых — указывают на процессы, связанные с „поведением по возрасту“».

виды опираются при взаимодействии, это инструменты, с помощью которых мы «ведем себя по возрасту», однако сами по себе они возраст не производят. Концептуализация возраста-как-достижения также помогает избавиться от дихотомии самодетерминируемого/внешне детерминированного возраста, делая очевидным «интеракциональное устройство социальной структуры и процессов социального контроля, которые ее поддерживают» [West, Zimmerman 1987: 146-147].

Центральную роль тут играют взаимообразные отношения между акторами и структурными факторами, запрещающими или разрешающими действия. Наконец, идея возраста как достижения сильно изменяет его восприятие как проблемы. Если возраст есть достижение, значит, он не является социальной проблемой, то есть не является проблематичным состоянием, из которого следует выйти. Скорее, речь идет о проблеме как о неопределенной или сложной ситуации, которую можно взять под контроль или сделать предметом переговоров, в лучшем найти временное решение, но полностью от нее избавиться невозможно.

Средства реализации возраста

Если возраст — это то, что все мы реализуем, то каждый день бесчисленное количество раз мы сталкиваемся с проблемой подобающего возрасту поведения. То, как мы ведем себя в любой ситуации, — это продукт интерпретаций и выборов (часто неосознанных), которые мы делаем, исходя из доступных индивидуальных, культурных и институциональных средств. Каковы средства, из которых мы можем выбирать? Как мы их выбираем? За счет чего формируется возраст-как-достижение?

Энн Свидлер [Swidler 1986: 273] выдвинула идею «культуры как набора инструментов, куда входят символы, истории, ритуалы и мировоззрения, который люди могут использовать в различных сочетаниях для решения разнообразных проблем». Когда люди сталкиваются с проблемами, они конструируют стратегию — устойчивый (но не закрепленный или неизменный) порядок действий во времени. Культура имеет значение «не в смысле определения целей действий (формулировка ценностей или желаемых результатов), а в предоставлении культурных элементов, используемых для конструирования стратегии. Чтобы принять модель поведения, нам необходимо представлять картину мира, в котором мы действуем, нам необходим смысл, который мы можем считывать в достаточной мере точно, и возможность выбрать среди альтернативных моделей действия» [Ibid.: 273, 275].

Преимущество этой концептуализации в том, что она рассматривает индивидов как активных и умелых потребителей культуры, а не как пассивных «культурных невежд» [Swidler 1986: 277]. Кроме

того, действие рассматривается как «составная часть более широкой группы (стратегии действий), а не как отдельные единичные выборы, которые люди совершают в зависимости от собственных ценностей и интересов. Такая позиция подтверждает потенциал использования культуры новыми непредсказуемыми способами и одновременно объясняет ее целостность и последовательность. Она перекидывает мост между дихотомией самодетерминированность/сверхдетерминированность, постулируя существование активных и умелых потребителей культуры, которые конструируют устойчивые способы упорядочивания действий.

Набор инструментов

Наша культура содержит множество образов и средств для реализации возраста. Эти образы и средства формируют наше осознание возраста, наши ожидания, касающиеся жизненного цикла и возможных перемен, поведение и чувства перед лицом собственного жизненного опыта, а также наши жизненные шансы[1]. Мы используем ресурсы самых разных типов, от самых частных — наших собственных тел и межличностных отношений — до организационных и институциональных.

Эти ресурсы не просто существуют где-то сами по себе, ожидая, пока их все используют одинаково. Скорее, когда мы взаимодействуем, то опираемся на доступные ресурсы и наделяем их смыслом, а после используем этот смысл как руководство к действию. Работа Арли Хохшильд по социологии эмоций помогает нам понять, как мы используем доступные ресурсы. Хохшильд считает, что эмоции формируются культурой и выражаются в публичной форме; способы проявления эмоций контролируются макросоциальными и культурными силами, а также заботой каждого человека о производимом впечатлении и собственной личности. Акторы проделывают «эмоциональную работу», принимая решения о том, что чувствовать и как действовать в определенной ситуации. Кроме того, Хохшильд [Hochschild 1989] заявляет, что эмоции выступают посредником между тем, во что люди верят, что они говорят и делают. Чувства связывают идеалы, цели, ценности и действия, поэтому они необходимы для понимания стратегии действий. Другими

1 Безусловно, возраст не реализуется в отрыве от расы, этнической принадлежности, гендера, класса и т. д. Уэст и Фенстермаркер выдвинули теорию о взаимодействии вышеперечисленного. Основанная на эмпирических данных работа зафиксировала влияние гендера [Rossi 1985; Shaw 1996], расы и этнической принадлежности [Gelfand, Barrisi 1987; Markides et al. 1987] на жизненный цикл и связанные с возрастом события.

словами, эмоции трансформируют доступные ресурсы для реализации возраста в его фактическое достижение.

Визуально я представляю себе доступные ресурсы для реализации возраста как набор вложенных друг в друга окружностей. Внутренние круги — это ресурсы сугубо индивидуальные: тело и межличностные связи. Круги внешние — это культурные, формальные, институциональные и структурные факторы, доступные большим группам людей. Поскольку индивиды по мере выстраивания стратегии действий выбирают и персональные (возможно, уникальные), и обезличенные формальные и структурные ресурсы, эти стратегии основываются на возрасте, но не определяются им. Именно поэтому социологи могут обобщать возрастные категории и соответствующие возрасту поведение и статус, одновременно принимая во внимание вариации и отклонения.

На индивидуальном уровне наши тела (облик и физические способности, а также их изменения) — это основа осознания собственного возраста и ресурс для его реализации. Мы интерпретируем внутренние сигналы, подаваемые телом (утренняя зажатость мышц, снижение гибкости), в контексте возраста. Вдобавок мы получаем внешние сообщения о наших телах (люди отмечают наличие или отсутствие у нас морщин или седых волос). Но ресурсы, предоставляемые нашими телами, требуют интерпретации, а опыт и интерпретация телесности с точки зрения возраста всегда ситуативны. Как показало исследование Карол Ронай [Ronai 1992], для большинства «стареющих» стриптизерш, находившихся в позднем подростковом и раннем юношеском возрасте, окружающая обстановка и ситуация в большей мере, чем хронологический возраст, определяли понятие «старый». Исследования в домах престарелых [Gubrium 1977, 1993; Diamond 1992] также иллюстрируют, как тело и его функции по-разному интерпретируются и «приводятся в исполнение»[1].

Межличностные взаимодействия поставляют ресурсы для реализации возраста и одновременно их ограничивают. Например, Губриум с соавторами [Gubrium et al. 1994] показывают, как несовершеннолетние преступники «действуют по возрасту» при столкновении с полицией. Офицеры во многом действуют по своему усмо-

1 Эти примеры были выбраны с целью продемонстрировать, как разные, но частично совпадающие виды средств могут быть задействованы при реализации возраста. Каждый вид средств может быть проиллюстрирован бесчисленным множеством других примеров и ссылок, но я напоминаю, что эта статья не является обзором литературы. Скорее я хочу показать, что существующие исследования полезны для понимания возраста как достижения и эта концепция способна подтолкнуть к переосмыслению уже проделанной работы.

трению, и при общении с молодыми людьми ключевым фактором их реакции является манера поведения. «Те, кто ведут себя по возрасту (ни слишком инфантильно, ни слишком зрело для своих лет), обычно не рассматриваются как проблемные индивиды» [Gubrium et al. 1994: 139]. В этом примере те, чье поведение не соответствует их возрасту, — слишком инфантильные или слишком зрелые, могут с высокой вероятностью быть арестованными. В области изучения старения исследование жилищных условий (в том числе [Margolis 1990]), уровня заботы (в том числе [Abel 1991]) и домов престарелых [Gubrium 1977; Ross 1977; Hazan 1992] показало, как формальные и неформальные привязанности внутри общественных организаций и к ним самим обеспечивают условия для межличностных связей и взаимодействий, влияют на наше ощущение возраста и, наконец, формируют соответствующее нашему возрасту поведение.

Наша культура (в форме языка, когнитивных и концептуальных категорий) поставляет еще одно средство для реализации возраста. Хоки и Джеймс [Hockey, James 1993: 10] демонстрируют, как метафоры детства (предполагающие несамостоятельность) создают систему ценностных ориентиров для ежедневных взаимодействий с людьми разных возрастных категорий, а также закладывают основы для обращения со взрослыми, находящимися в физической зависимости от окружающих, как с детьми. Губриум с соавторами [Gubrium et al. 1994] исследовали, как образы жизненного цикла используются психологами и работниками системы социального обслуживания, оказывая серьезное воздействие на индивидов (оно может проявляться в госпитализации или выписке, прохождении курса лечения).

Такие институты как медиа, реклама, образование, медицина и религия зависят от осознания нашего возраста и поддерживают его, при этом предоставляя нам дополнительные ресурсы. Например, из СМИ мы получаем представления о разных возрастных категориях, с которыми мы себя соотносим. Эти сообщения не всегда корректны и не обязательно привлекательны, как показывают исследования эйджизма и стереотипизации [Butler 1996; Scrutton 1996]. В то же время мы ориентируемся на эти представления и как следствие чувствуем вину или гордость, стыд или радость из-за нашей способности «соответствовать требованиям».

Наша правовая система использует хронологический возраст, чтобы регулировать образование, сексуальные связи, брак и трудовую занятость, и это только несколько примеров из длинного списка. Закон, публичная политика и бюрократические требования создают ресурсы для осознания возраста и для его фактического достижения, так как формальные требования одновременно разрешают и запрещают определенные стратегии поведения [Buchmann 1989]. Например, дети в основном реализуют возраст под влиянием тре-

бований учителей и администрации, распорядка дня и структуры академического года (и все эти факторы историчны, см. [Chudacoff 1989]). Вдобавок к этому реализация возраста за пределами школы также определяется обязательным образованием. Например, для детей взрослеть означает ложиться спать позже. Но взрослеть также значит более ранний подъем в школу. В течение учебной недели возможности 14-летнего подростка вести себя по-взрослому и не ложиться спать допоздна ограничены.

Тренды развития экономики, трудоустройства, рынка труда влияют на жизненные перемены, значение возраста и его реализацию. Например, создание и расширение системы социального обеспечения и пенсионной политики сделали возможным (но отнюдь не неизбежным) воспринимать себя как пенсионера или будущего пенсионера. В то же время расхожие представления о возрасте, типичном жизненном цикле и его переходных этапах (особенно образовании, браке, рождении детей, работе и пенсии) в сочетании с классом, расовой/этнической принадлежностью и гендером формируют рынок рабочей силы и такие общественные институты, как систему социального обеспечения.

Изучая трудовую занятность и выход с рынка труда (по причине ограниченных возможностей, безработицы и требований пенсионной системы), Гийемар [Guillemard 1996] обнаружила, что во многих индустриальных странах Запада «возраст неработающего человека значительно снизился». «Хронологические барьеры, которые раньше определяли личное восприятие себя в контексте жизненного цикла и организовывали переход к пожилому возрасту, оказались подорваны на протяжение последних 15 лет» [Ibid.: 180].

Гийемар [Ibid.: 181] считает, что система здравоохранения и рабочая/пенсионная политика оказали влияние на реорганизацию жизненного цикла. Майер и Мюллер [Mayer, Müller 1986] утверждают, что и современное бюрократическое государство всеобщего благоденствия, и современный жизненный цикл — это продукты одних и тех же процессов общественного развития (рационализация производства, социальное расслоения и общественный контроль).

Выбор из имеющихся средств

Исследователи жизненного цикла неоднозначно оценивают изменения, которые описывают[1]. В целом их внимание сосредоточено

1 Например, Гийемар [Gillemard 1996] видит изменение порога прекращения трудовой деятельности как возможный показатель возрастания возрастной специфики и менее упорядоченных переходов (с менее четкими граница-

на том, как макросоциальные силы определяют возрастные роли, события и статусы. Рассмотрения возраста-как-достижения позволяет исследовать, в какой мере индивиды принимают, отрицают или оспаривают значения возраста, которые встроены в государственную политику, систему социального обеспечения и рынок труда.

Реализация возраста требует, чтобы индивиды использовали и интерпретировали доступные ресурсы, выражали эмоции и вели себя соответствующим образом. В результате идеологии (представления о возрасте и старении, включая возрастные роли и нормы) объективные факторы (например, хронологический возраст и психическое состояние) и макросоциальные принципы и тренды (например, возможность раннего прекращения трудовой деятельности) дают ориентиры, но не объясняют, как индивиды будут ощущать свой возраст и его реализовывать. Однако мы можем исследовать, как в конкретных условиях индивиды конституируют значения доступных им средств и реагируют на их значения.

Стоит заметить, что люди невсегда ведут себя по возрасту, демонстрируя его явно и осознанно. Наоборот, возраст-как-достижение выражается через атрибуты, которые, как мы привыкли считать, связаны с возрастными категориями (например, зависимость или независимость, компетенции, зрелость). Эти качества, то есть те же социальные конструкты, служат «посредниками» возраста[1]. Так, ученики начальной школы и пожилые в доме престарелых, каждый по-своему, ведут себя по возрасту посредством взаимодействий с другими людьми и с их помощью демонстрируют компетенции (например, способность делать то, что человек «твоего возраста» должен уметь) [Gubrium et al. 1994: 118-154].

Два недавних исследования жителей домов для престарелых иллюстрируют одновременно и сложность «реализации возраста», и разнообразие возможных результатов. В работе об израильском доме престарелых, созданном для физически активных стариков, Хайм Хазан указывает, что пациенты намеренно демонстрируют

ми) в состав рабочей силы и из нее. Она делает вывод, что, хотя работники теперь обладают большей гибкостью по отношению к возрастным переходам, это не дает им большей свободы. Майер и Мюллер рассматривают государство как источник сегментации жизненного цикла и превращения переходных этапов в публичные события. При этом государство объединяет «организационно и функционально дифференцированные общественные институции по мере того, как люди движутся по ним» [1986: 242].

1 Уэст и Зиммерман [West, Zimmerman 1987] показали, что при «создании гендера» женщины «реализуют уважение», а мужчины «реализуют превосходство». Отсюда мы можем извлечь характеристики гендера-как-достижения (феминность, маскулинность, доминантность, субординация).

свою функциональность другим резидентам, персоналу и администрации. В этом случае функциональность служит посредником возраста. Из-за большого количества заявок директор вынужден как можно чаще избавляться от «нефункциональных» стариков. Поскольку стоимость проживания в других учреждениях значительно выше и пациенты знают, что переезд свидетельствует об ухудшении их физического состояния, они ощущают необходимость демонстрировать свои способности. Они знают, что администрация приветствует официально разрешенные групповые занятия.

Особо показательны описанные Хазаном занятия в синагоге по Талмуду: «Учитель [нанятый специально для этой цели] читает и толкует написанное на идише, несмотря на то что некоторые ученики не понимают языка. Никто не задает вопросов, а если звучат какие-то реплики, то они обычно не связаны с темой. Некоторые участники даже не переворачивают страницы... кто-то перешептывается... один ученик тихо напевает восточные мелодии и время от времени бросает взгляд на часы, чтобы посмотреть, когда закончится урок. Он тоже не переворачивает страницы — иногда читает одну-две строчки вне зависимости от того, что говорит учитель... Совершенно очевидно, что участники не понимают содержание урока... Тем не менее многие из собравшихся просили финансового управляющего организовать больше встреч на выходных» [Hazan 1992: 129].

Помимо участия в групповых действиях пациенты демонстрируют свою функциональность в общественных помещениях, коридорах, лифтах и столовых с помощью фотографий, одежды и внешнего вида.

С точки зрения доминирующего социологического подхода (и распространенного геронтологического подхода), такие поведенческие тактики могут восприниматься как показатели действительного состояния здоровья или как сигнал о потребности в определенных программах и занятиях. Хазан, наоборот, видит здесь способы организации, используемые группой для производства собственного смыслового спектра в условиях властных отношений, свойственных официальным институтам. Каждый резидент принимает во внимание свойства организационной системы (авторитет директора, необходимость перевода слабых пациентов), а также принятые убеждения по поводу возраста, здоровья, физического состояния («функциональность» определяется директором как «физическая бодрость») и собственные телесные возможности (Могу ли я передвигаться без посторонней помощи? Способен ли я есть в столовой с остальными?). Каждый резидент испытывает эмоции (страх быть переведенным, решимость принимать участие в общих занятиях, гордость за свои способности) и ведет себя соответствующим образом (например, посещает занятия по талмуду).

Противоположностью поведения пациентов из исследования Хазана можно считать жизненные тактики пациентов Ле Флорали (Les Floralies), дома для престарелых в пригороде Парижа, где жила и вела полевую работу Дженни Кейт Росс. Пациенты Ле Флорали выбирали совершенно иные способы соответствовать тому, как должен вести себя пациент дома престарелых. В Ле Флорали часто обсуждают состояние здоровья, но в отличие от израильского учреждения физическая бодрость и «функциональность» не оказывают решающего воздействия на локальные взаимодействия и социальную организацию. В этой роли в Ле Флорали выступают пол и политические взгляды, «которые являются важными принципами социальной организации данного сообщества» [Ross 1977: 54-55].

Пациенты Ле Флорали похожи на участников исследования Хазана. Они примерно одного возраста (70-79 лет), принадлежат к одному классу (рабочие), у них одинаковый уровень образования. Но контекст, в котором происходит групповое взаимодействие, разительно отличается. Израильский дом для престарелых значительно больше Ле Флорали (в первом — 400, во втором — 150 жителей), и, что самое важное, французское учреждение не избавляется от «физически нефункциональных» людей. Эти характеристики оказывают значительный эффект на смысл и природу взаимодействий между пациентами, персоналом, администрацией и «аутсайдерами». Сопоставление двух исследований (и вариации внутри каждой из групп) иллюстрируют, как по-разному люди могут реализовать возраст в зависимости от комбинации доступных им ресурсов и их собственной реакции на них.

Заключение

Хотя множество исследований посвящено социологическим аспектам старения, возрасту как социальному конструкту уделяется мало внимания. Целью моей работы является развитие социологии возраста, и она предлагает два возможных пути доказательства того, что возраст представляет собой достижение. Первый путь подразумевает проведение параллелей между изучением возраста и гендера. Анализ сходства между основными допущениями, свойственными изучению возраста и пола, и стратегиями теоретизации гендера, которые противопоставляются общепринятым допущениям, дает модель, которая еще не использовалась для исследования возраста.

Второй и более часто выбираемый путь предлагает отталкиваться от существующей теории, признающей, что возраст в большей степени социальный, чем хронологический конструкт. Некоторые теоретики жизненного цикла, историки и социологи показали, что хронологический возраст наделяется значением лишь в соци-

альном и историческом контексте. Предложенная нами теоретическая рамка возраста-как-достижения многим обязана их работе, но мы стремились развивать эти идеи, чтобы изучить, как возраст обретает смысл и значимость не только в личном взаимодействии, но и в контексте макросоциальных сил. Исследование структурных факторов дает представление о наборе ресурсов, необходимых для того, чтобы вести себя по возрасту. Но концепция возраста-как-достижения также стремится осмыслить, как индивиды интерпретируют, организуют, приспосабливают, создают и изменяют социальную структуру. Эта система стремится дать членам общества свободу в постоянном процессе производства, перформатирования и достижения возраста.

Таким образом, изучение возраста-как-достижения на микроуровнях проясняет, как мы создаем и поддерживаем социальную структуру в целом. Эта точка зрения позволяет нам осознать человеческую свободу воли, потенциал вариативности и изменений. В то же время она учитывает закономерности реализации возраста, которые являются и причинами, и следствиями социальной структуры. Значения возраста, как и значения пола, ситуативны и не фиксированы.

Аналогичной интеракционистской перспективы придерживаются и другие социологи, метафора «разыгрывания» не уникальна. Но, как утверждают некоторые исследователи [Dannefer 1984, 1988; Moody 1988; Luborsky, Sarkar 1996], подобная точка зрения пребывает в меньшинстве в социологии и почти незаметна в геронтологии, несмотря на ее многообещающие возможности. В заключение я кратко перечислю потенциальные преимущества концепции возраста-как-достижения.

Как и гендер, возраст потенциально универсален. Это означает, что возраст не является принадлежностью пожилых; он потенциально относится к людям любого (хронологического) возраста. Таким образом, концепция возраста-как-достижения поощряет смещение внимания с «пожилых» на широкие социальные процессы, которые затрагивают людей разных возрастных категорий на протяжении всей жизни.

Второе следствие потенциальной универсальности возраста состоит в том, что, хотя мы постоянно «действуем по возрасту», не во всех ситуациях возраст равно актуален. Качественные исследования показали, как люди видят, чувствуют и переживают свой возраст различными способами в разных условиях и разных точках жизненного цикла [Luborsky, Rubinstein 1987]. Более того, статистические портреты, персонализированные и этнографические отчеты [Ross 1977; Hazan 1992] и теория возраста (см., например, [Dannefer 1988]) свидетельствуют о внутреннем разнообразии

возрастных категорий. Взгляд на возраст-как-достижение может отвлечь от «успешного» старения (на котором часто фокусируется геронтология), чтобы уделить больше внимания разнообразию и вариативности.

Отдавая должное акторам и возвращая им свободу действий, я не хочу преуменьшать ограничения их перформативной деятельности. Представления о возрасте и жизненном пути не только являются средствами, но также используются в качестве инструмента контроля [Gubrium et al. 1994]. Наши механизмы формального контроля пронизаны представлениями о возрасте и жизненном цикле, которые институционализированы в праве, медицине, психиатрии и образовании [Karp, Yoels 1982; Buchmann 1989]. Привычность фразы «веди себя по возрасту» и частота, с которой она используется для управления действиями других (и своих собственных), свидетельствует о распространенности представлений о возрасте как методе неформального социального контроля. Иными словами, возраст никогда не реализуется вне отношений власти.

Развитие концепции возраста-как-достижения имеет значение для исследовательских программ. Усилия по борьбе с доминирующими представлениями могут служить руководством для исследований возраста-как-достижения. Отказ от рассмотрения хронологического возраста как фиксированного и детерминированного, сосредоточенность на групповом процессе (в отличие от личностных качеств) предоставляет множество исследовательских возможностей, включая исторические исследования, этнографию и межнациональные сравнения, а также исследования когнитивных и концептуальных категорий. Относительно небольшие этнографические и качественные исследования помогут социологам исследовать нюансы поведения по возрасту. Вторичный анализ, включающий сравнения этнографических исследований, позволит социологам понять закономерности и факторы трансформации, влияющие на формирование и реализацию возраста. Исторические, статистические и макроуровневые исследования, как правило, акцентируют не столько значение, интерпретацию и взаимодействие, сколько важность структурных факторов, поэтому концепция возраста-как-достижения их не вытеснит. Скорее, она будет полезна для подобных исследований и дополнит их.

В целом метафора «разыгрывания» и идея возраста-как-достижения помогает выявить то, что в социологии возраста часто не признается: перформативную интерактивную работу по достижению возраста, эмоциональную работу, связанную со «становлением» и «бытием в» возрасте, а также стратегии, которые люди разрабатывают и используют, создавая и предъявляя себя как носителя определенного возраста. Понимание возраста как ситуативного, услов-

ного, согласованного и постоянно создаваемого во взаимодействии феномена создает фундамент для развития социологии возраста.

Библиография / References

Abel E.K. (1991) *Who Cares for the Elderly?* Philadelphia, PA: Temple University Press.

Ageless America (1984) Film.

Blumer H. (1969) Symbolic *Interactionism: Perspective and Method. Englewood Cliffs*, NJ: Prentice-Hall.

Buchmann M. (1989) *The Script of Life in Modern Society: Entry into Adulthood in a Changing World*. Chicago: University of Chicago Press.

Butler J. (1990) *Gender Trouble*. New York: Routledge.

Butler R. (1996) Dispelling ageism: The cross-cutting intervention. Quadagno J., Street D. (eds.), *Aging for the Twenty-first Century*. New York: St. Martin's: 131-140.

Chudacoff H.P. (1989) *How Old Are You? Age Consciousness in American Culture*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Connell R.W. (1995) *Masculinities*. Berkeley: University of California.

Conner K. (1992) *Aging America: Issues Facing an Aging Society*. New York: Prentice-Hall.

Dannefer D. (1984) Adult development and social theory. *American Sociological Review* 49: 100-116.

Dannefer D. (1988) What's in a name? An account of the neglect of variability in the study of aging.Birren J.E., Bengtson V.L. (eds.), *Emergent Theories of Aging*. New York: Springer Publishing. Springer Publishing: 356-364

Denzin N. (1993) Sexuality and Gender: An Interactionist/Poststructural Approach. England P. (ed.), *Theory on Gender/Feminism on Theory*. New York: Aldine de Gruyter: 199-221.

Devault M. (1991) *Feeding the Family*. Chicago: University of Chicago Press.

Diamond T. (1992) Making *Gray Gold: Narratives of Nursing Home Care*. Chicago: University of Chicago Press.

Eisenhandler S.A. (1991) The Asphalt Identikit: Old age and the driver's license. Hess B., Markson E. (eds.), *Growing Old in America*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers: 107-120.

Epstein C.F. (1988) *Deceptive Distinctions*. New Haven, CT: Yale University Press.

Farley J.E. (1998) *Sociology*, 4th ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Fry C. (1980a) Toward an anthropology of aging. Fry C.L. (ed.), *Aging in Culture and Society: Comparative Viewpoints and Strategies*. New York: J. F. Bergin: 1-20.

Fry C. (1980b) Cultural dimensions of age: A multi-dimensional scaling analysis. Fry C.L. (ed.), *Aging in Culture and Society: Comparative Viewpoints and Strategies*. New York: J. F. Bergin: 42-64.

Fry C., Keith J. (1986) Introduction. Fry C.L., Keith J. (eds.), *New Methods for Old Age Research*. MA: Bergin and Garvey: xi-xxiii.

Garfinkel H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*. Engelwood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Gelfand D.E., Barresi C.B., eds. (1987) Ethnic Dimensions of Aging. New York: Springer Publishing.

George L.K. (1990) Social structure, social processes, and social-psychological states. Binstock R.H., George L.K. (eds.), *Handbook of Aging and the Social Sciences*, 3rd ed. New York: Academic Press: 186-204.

Gubrium J. (1977) *Living and Dying at Murray Manor*. New York: St. Martin's.

Gubrium J. (1993) *Speaking of Life: Horizons of Meaning for Nursing Home Residents*. New York: Aldine de Gruyter.

Gubrium J.F., Holstein J.A., Buckholdt D.R. (1994) *Constructing the Life Course*. Dix Hills, NY: General Hall.

Guillemard A.-M. (1996) The trend toward early labor force withdrawal and the reorganization of the life course: A cross-national analysis. Quadagno J., Street D. (eds.), *Aging for the Twenty-first Century*. New York: St. Martin's: 177-193

Hazan H. (1992) *Managing Change in Old Age: The Control of Meaning in an Institutional Setting*. Albany, NY: State University of New York Press.

Henley N., Freeman J. (1989) The sexual politics of interpersonal behavior. Freeman J. (ed.), *Women: A Feminist Perspective*. Mountain View, CA: Mayfield: 457-469.

Heritage J. (1984) *Garfinkel and Ethnomethodology*. New York: Polity Press.

Hochschild A. (1983) *The Managed Heart*. Berkeley: University of California.

Hochschild A. (1989) *The Second Shift*. New York: Avon.

Hockey J., Hockey A.J., James J., James A. (1993) *Growing Up and Growing Old*. London: Sage.

Karp D.A. (1991) A Decade of Reminders: Changing Age Consciousness between Fifty and Sixty Years Old. Hess B., Markson E. (eds.), *Growing Old in America*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers: 67-92.

Karp D.A., Yoels W.C. (1982) *Experiencing the Life Cycle: A Social Psychology of Aging*. Springfield, IL: Charles C. Thomas.

Kastenbaum R., Derbin V., Sabatini P., Artt S. (1980) The ages of me: Toward personal and interpersonal definition of functional aging. Hendricks J. (ed.), *Being and Becoming Old*. New York: Baywood: 71-85.

Keith J. (1990) Age in social and cultural context: Anthropological perspectives. Binstock R., George L. (eds.), Handbook of Aging and the Social Sciences. Boston: Academic Press: 91-111.

Keith J., Kertzer D.I. (1984) Introduction. Kertzer J., Keith O.J. (eds.), *Age and Anthropological Theory*. Ithaca NY: Cornell University Press: 19-61.

Kessler S.J. (1990) The medical construction of gender: Case management of intersexed in-fants. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 16: 3-26.

Kessler S., McKenna W. (1978) *Gender: An Ethnomethodological Approach*. Chicago: University of Chicago Press.

Kimmel M., Messner M. (1992) Introduction. Kimmel M., Messner M. (eds.), *Men's Lives*. New York: MacMillan: 1-11.

Kohli M. (1986) Social organization and subjective construction of the life course. Sorensen A.B., Weinert F.E., Sherrod L.R. (eds.), *Human Development and the Life Course: Multidisciplinary Perspectives*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum: 271-292.

Lips H. (1995) Gender role socialization: Lessons in femininity. Freeman J. (ed.), *Women: A Feminist Perspective*. Mountain View, CA: Mayfield: 128-148.

Lorber J. (1994) *Paradoxes of Gender*. New Haven, CT: Yale University Press.

Luborsky M., Rubinstein R.L. (1987) Ethnicity and lifetimes: Self concepts and situational contexts of ethnic identity in late life. Gelfand D.E., Barresi C.M. (eds.), *Ethnic Dimensions of Aging*. New York: Springer Publishing: 35-50.

Luborsky M.R., Sankar A. (1996) Extending the critical gerontology perspective: Cultural dimensions. Quadagno J., Street D. (eds.), *Aging for the Twenty-first Century*. New York: St. Martin's: 96-103.

Macionis J.J. (1997) *Sociology*. New York: Prentice-Hall.

Margolis R. (1990) *Risking Old Age in America*. Boulder, CO: Westview.

Markides K., Liang J., Jackson J.S. (1987) Race, ethnicity and aging: Conceptual and methodological issues. Binstock R.H., George L.K. (eds.), *Handbook of Aging and the Social Sciences*, 3rd ed. Boston, MA: Academic Press: 112-129.

Marshall V.W. (1980) No exit: A symbolic interactionist perspective on aging. Hendricks J. (ed.), *Being and Becoming Old*. New York: Baywood: 20-32.

Martin E. (1991) The egg and the sperm: How science has constructed a romance based on stereotypical male-female roles. *Signs: Journal of Women in Culture and Society,* 16: 485-501.

Mayer K.U., Muller W. (1986) The state and the structure of the life course, Sorensen A.B., Weinert F.E., Sherrod L.R. (eds.), *Human Development and the Life Course: Multidisciplinary Perspectives*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum: 217-245.

Mcllwee J.S., Robinson J.G. (1992) *Women in Engineering*. Albany: State University of New York Press.

Meyer J.W. (1986) The self and the life course: Institutionalization and its effects. Sorensen A.B., Weinert F.E., Sherrod L.R. (eds.), *Human Development and the Life Course: Multidisciplinary Perspectives*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum: 199-216.

Minkler M. (1984) Introduction. Minkler M., Estes (eds.), *Readings in the Political Economy of Aging*. Amityville, NY: Baywood: 10-20

Moody H.R. (1988) Toward a critical gerontology: The contribution of the humanities to theories of aging. Birren J.E., Bengtson V.L. (eds.), *Emergent Theories of Aging*. New York: Springer Publishing.

Neugarten B., Moore J., Lowe J. (1965) Age norms, age constraints, and adult socialization. *American Journal of Sociology,* 70: 710-717.

Passuth P.M., Bengtson V.L. (1988) Sociological theories of aging: Current perspectives and future directions. Birren J.E., Bengtson V.L. (eds.), *Emergent Theories of Aging*. New York: Springer Publishing: 333-355.

Riley M.W. (1987) On the significance of age in sociology. *American Sociological Review*, 52: 1-14.

Riley M.W., Riley J. (1994) Age integration and the lives of older people. *The Gerontologist*, 34: 110-115.

Ronai C.R. (1992) Managing aging in young adulthood: The "aging' table dancer. *Journal of Aging Studies*, 6: 307-317.

Rose C.L. (1980) The measurement of social age. Hendricks J. (ed.), *Being and Becoming Old*. New York: Baywood: 55-70.

Rosow I. (1974) *Socialization to Old Age*. Berkeley: University of California Press.

Ross J.-K. (1977) *Old People, New Lives: Community Creation in a Retirement Residence*. Chicago: University of Chicago Press.

Rossi A., ed. (1985) *Gender and the Life Course*. New York: Aldine.

Schutz A. (1970) *On Phenomenology and Social Relations*. Chicago: University of Chicago Press.

Scrutton S. (1996) Ageism: The foundation of age discrimination. Quadagno J., Street D. (eds.), *Aging for the Twenty-first Century*. New York: St. Martin's: 141-154.

Shaw L.B. (1996) Special problems of older women workers. Quadagno J., Street D. (eds.), *Aging for the Twenty-first Century*. New York: St. Martin's: 327-350.

Sherrod L., Brim O.G. (1986) Epilogue: Retrospective and prospective views of life course research on human development. Sorensen A.B., Weinert F.E., Sherrod L.R. (eds.), *Human Development and the Life Course: Multidisciplinary Perspectives*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum: 557-580.

Stockard J. (1997) *Discovering Society*. Belmont, CA: Wadsworth.

Swidler A. (1986) Culture in action: Symbols and strategies. *American Sociological Review*, 51: 273-286.

Thorne B. (1993) *Gender Play: Girls and Boys in School*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

West C., Fenstermaker S. (1993) Power, inequality and the accomplishment of gender: An ethnomethodological view. England P. (ed.), Theory *on Gender/ Feminism on Theory*. New York: Aldine deGruyter: 151-174.

West C., Fenstermaker S. (1995) Doing difference. *Gender & Society*, 9: 8-37.

West C., Zimmerman D.H. (1987) Doing gender. *Gender & Society*, 1: 125-151.

Рекомендация для цитирования:

Лаз Ш. (2019) Веди себя по возрасту! *Социология власти*, 31 (1): 146-179.

For citations:

Laz C. (2019). Act Your Age. *Sociology of Power*, 31 (1): 146-179.

Поступил в редакцию: 05.07.2018; принят в печать: 10.10.2018

Received: 05.07.2018; Accepted for publication: 10.10.2018